

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 80–91.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 80–91.

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/80-91>

Сравнительный анализ украинского и тайваньского кейсов

Владислав Владимирович Харичков

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского,
Москва, Российская Федерация

✉ vladkharichkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу украинского и тайваньского кейсов как феноменов современной международно-политической реальности в условиях происходящих геополитических трансформаций. Автор рассматривает ретроспективный аспект развития тайваньского и украинского вопросов, эволюцию идентичностей и политической мысли, а также роль и влияние внешнеполитического контекста. В заключительной части исследования автор выделяет конкретные положения, которые позволяют нам провести параллели между данными двумя вопросами. Вместе с тем подчёркиваются и различия, которые определяют уникальность и специфичность тайваньского и украинского вопросов относительно друг друга.

Ключевые слова: Украина, Тайвань, США, РФ, идентичность, диалект, схожесть, различие, кейс

Для цитирования: Харичков В.В. Сравнительный анализ украинского и тайваньского кейсов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 80–91.

Original article

Comparative analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases

Vladislav V. Kharichkov

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky,
Moscow, Russian Federation

✉ vladkharichkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases as phenomena of contemporary international political reality amidst ongoing geopolitical transformations. The author examines the retrospective development of the Taiwanese and Ukrainian issues, the evolution of identities and political thought, as well as the role and impact of the foreign policy context. In the concluding part of the study, the author identifies specific aspects that allow for drawing parallels between these two cases. At the same time, the differences that define the uniqueness and specificity of the Taiwanese and Ukrainian issues in relation to each other are emphasized.

Keywords: Ukraine, Taiwan, USA, RF, identity, dialect, similarities, differences, case

For citation: Kharichkov V.V. Comparative analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 1, pp. 80–91. (In Russ.).

Введение

В условиях хаотизации международной системы и усиления конфликтогенности среды внимание широкой общественности и исследователей сегодня приковано к двум ключевым локациям – зоне Тайваньского пролива и зоне проведения специальной военной операции со стороны РФ. Российско-украинский конфликт одновременно выступил и как катализатор процесса пересмотра Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, и как фактор «нормализации» войны как явления объективной международно-политической реальности, тем самым нанеся очередной удар по концепции «конца истории», предложенной в начале 90-х Ф. Фукуямой. Непрерывное нарастание напряжённости между КНР и Республикой Китай в последние годы на фоне «новой большой войны» в Европе стало восприниматься политиками и военными экспертами разных уровней как движение к «большой войне» в Азии. Одной из главных особенностей украинского и тайваньского вопросов является то, что оба они несут в себе серьёзный потенциал выхода за пределы «серой зоны» и перерастания в конфликт великих держав – США, КНР, РФ. Другой принципиальной особенностью данных кейсов является то, что они выступают в качестве показательных примеров усиления фактора идентичности на международно-политические процессы в рамках существующей системы. Нередко, при упоминании украинского кризиса, политики и эксперты также отсылаются и к вопросу «двух берегов». И наоборот.

Таким образом, целью данной статьи является попытка ответа на вопрос: в чём схожесть и различие тайваньского и украинского кейсов? Насколько корректно сравнивать данные прецеденты?

С данной целью автор стремится раскрыть вопрос с нескольких перспектив: генезис украинского и тайваньского кейсов, роль внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов, роль идентичности и процесс её конструирования на примере Украины и Тайваня.

Генезис украинского вопроса

Говоря об украинском вопросе, стоит подчеркнуть, что идея «украинства» развивалась на протяжении нескольких веков и неверно связывать истоки украинского «самостийничества» исключительно с периодом XX века. Кроме того, как справедливо отмечает Н.И. Ульянов в своей работе «Происхождение украинского сепаратизма», также неверно сводить причины явления исключительно к влиянию внешних сил, но стоит обратить внимание и на внутренние предпосылки зарождения украинского движения за автономию [1, с. 6].

Традиционно принято начинать рассмотрение генезиса украинства с периода гетманства. После событий Переяславской рады (1654 г.) гетманы стремились максимально ограничить влияние центра – Московского государства. Так, казачество того периода наделялось правом сбора налогов, имело собственные институты власти. Показательным для понимания отношений казачества и Московского царства является системное предательство гетманов, переходивших на сторону оппонентов России (Брюховецкий, Дорошенко, Выговский, Мазепа и другие). Ещё в период главенства Б. Хмельницкого активно распространяются антимосковские нарративы. В XVIII – XIX вв. польская интеллигенция и система образования стимулируют развитие идеи об отличии малороссов и великороссов. Распространяется своеобразный катехизис «украинства» – «История русов», в которой период казачества характеризуется как время «свободы, равенства и братства», а само казачество – как благородное дворянско-рыцарское сословие. Московское же царство в «Истории русов» предстаёт как фактор закрепощения и подавления малороссов. В XIX в. политическая философия «украинства» эволюционировала под влиянием распространения идей либерализма, демократизации, республиканства и федерализма. Значимый вклад в развитие самостийничества внесли работы и политические рассуждения К. Рылеева, работы по истории Н. Костомарова и творчество Т. Шевченко как главного поэта националистического движения. В данный период усиливается интерес к малоросскому наречию, фольклору и этнокультуре [1, с. 8–54].

В начале XX в. территория Галиции становится тем местом, где теоретические основы украинского национализма кристаллизуются. Украина как термин наполняется не только географическим, но и этническим содержанием, основанным на противопоставлении себя соседним народам (и в первую очередь – русским) [1, с. 104 – 121]. В годы советской власти украинская идентичность также получила дополнительные ресурсы для развития за счёт «борьбы с буржуазными идеологиями», в частности «великорусским шовинизмом», а также за счёт присоединения новых территорий и проводимой политики коренизации, что вело к украинизации образования и переформатированию широких масс русскоязычного населения УССР. После амнистии 1955 г. многие украинские националисты, воевавшие на стороне Германии, смогли интегрироваться во властные структуры СССР [2].

Рассматривая генезис украинской идеологии, нельзя не подчеркнуть, что питательной средой для неё на протяжении веков являлась Польша. Властвуя на данной территории и окультуривая на польский манер через систему образования и привилегий, польско-литовская шляхта распространяла тезисы о неславянском происхождении русских, московской деспотии и этнической обособленности малороссов от великороссов. Схожими методами действовали на рубеже XIX–XX вв. в Австро-Венгрии, пытаясь устранить угрозу сближения галицийских русин с Россией и, как следствие, конструируя новые идеологемы украинства.

Генезис тайваньского вопроса

По аналогии с украинским кейсом тайваньский вопрос также зародился в условиях сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Коренным населением острова являются народы малайско-полинезийского происхождения, а первые волны материковой миграции датируются XII–XIII веками. При этом основу данного потока составили ханьские субэтноты из провинций Фуцзянь и Гуандун – хокло, хакка и пунти. Периферийный статус острова и свойственная населению южных провинций предприимчивость создали условия для появления на острове особого хозяйственного уклада, который характеризовался активным использованием морских маршрутов, развитием пиратства и контрабандной торговли. В частности, между китайскими и японскими пиратами.

В период XVI–XVII вв. на остров прибывают западные колонизаторы – португальцы, испанцы и голландцы – для организации торговли с империей Мин. Помимо этого, с целью развития сельского хозяйства на острове голландские колонисты нередко вербовали авантюристские слои прибрежного населения, переселяя их на Тайвань, что привело к очередному этапу демографического роста на данной территории [3].

В 1644 г. жители острова негативно отреагировали на маньчжурское завоевание Китая и организовали сопротивление, возглавляемое Чжэн Чэнгуном и его потомками. В процессе восстания Чжэн Чэнгун в 1661 г. изгоняет голландских колонистов и берёт остров под контроль. Однако в 1683 г. под давлением маньчжурских войск минским лоялистам пришлось капитулировать. В результате Тайвань и соседние острова пролива становятся частью провинции Фуцзянь [3].

В XVIII веке власти Цин предпринимали различные попытки контролировать миграцию, в частности посредством введения ограничений на въезд членов семьи. Это привело к увеличению количества браков между бывшими материковыми жителями и формозцами. Кроме того, это период антиманьчжурских восстаний, вызванных налоговой и социальной политикой центрального правительства, притом инициаторами народных волнений, как правило, выступали именно ханьские слои населения [3].

В XIX веке западные акторы начинают осознавать военно-политическое и экономическое значение Тайваня в регионе. В результате Опиумных войн и Тайпического восстания власть цинской династии существенно ослабевает, а контроль над Тайванем становится номинальным. Помимо этого, антимаичжурские восстания продолжаются, однако к ним также добавляются волнения против иностранцев. Западные державы, среди которых были Англия, США, Франция и Пруссия, вынашивали планы оторвать Тайвань от Китая тем или иным способом, чтобы заполучить себе в распоряжение географически выгодную базу для продвижения собственных коммерческих и военно-политических интересов в регионе: в 1841 г. британские войска пытались закрепиться на острове; в 1867 г. американские ВМС и морская пехота организуют карательную экспедицию; в 1874 г. Япония организует военную экспедицию на остров; Китайско-французская война 1894–1895 гг., сопровождавшаяся захватом Цзилуна и Пескадоских островов. Тем не менее перечисленные операции не достигли своих конечных целей. Стоит подчеркнуть, что партизанское сопротивление, организованное местным населением, сделало неприемлемыми политические и экономические издержки колонизаторов, что и привело к провалу данных компаний [3].

По итогам Японо-китайской войны 1894–1895 гг. был подписан Симоносекский договор, закрепивший переход Тайваня Японии. Период японского правления на острове (1895–1945 гг.) выступил в роли катализатора роста национального самосознания жителей Тайваня. Так, в мае 1895 г., спустя месяц после подписания Симоносекского договора, островные чиновники и военные объявляют о создании самоуправляемой Тайваньской республики, создаются институты и символы власти. Однако срок жизни первой дальневосточной республики оказался непродолжительным – уже в октябре 1895 г. политическое сопротивление было подавлено японскими войсками, а движение за независимость, которое сопровождалось ожесточённой партизанской борьбой против японцев, лишилось вертикали управления. Стихийные антияпонские восстания продолжались на острове вплоть до 1902 г. Ещё одним значимым символом политического активизма на Тайване стало создание в 1927 г. первой политической партии острова – Тайваньской народной партии (ТНП). Данная партия выступала за расширение гражданских прав местного населения и обеспечение их представительства в органах управления. Также партия выступала с предложениями по улучшению условий работы рабочих и крестьян, по укреплению локальной культуры и реформированию образования. Посчитав в 1931 г., что партия и её идеи расширения автономии острова несут угрозу колониальному режиму, японская администрация оказала серьёзное давление на ТНП, что впоследствии привело к её ликвидации [4].

С 1918 по 1945 г. японская администрация реализовывала на Тайване политику «культурной ассимиляции» и превращение островитян в японских граждан. Заклучалась данная политика во внедрении и распространении японского языка, обычаев,

образа жизни и верований среди тайваньского населения. Каналами проведения «культурной ассимиляции» выступали школьное образование, торговля и японо-китайские браки. К 1944 г. более 70 % тайванцев владели японским языком [5].

Несмотря на предельную жестокость методов колониального управления, экономическая модернизация острова, а также санитарно-эпидемиологическая политика властей привели к значительному росту островного населения. Таким образом, японизация островитян создала условия для формирования культурной обособленности от материкового населения, а экономическая модернизация выступила фактором обеспечения материальной автономии [6].

После капитуляции Японии и возвращения Тайваня под управление Китайской Республики в 1945 г. гоминьдановская администрация начала разворачивать политику деяпонизации и рекитаизации [7]. Суть данной политики заключалась в возрождении системы «традиционного китайского образования», включающего в себя изучение древней литературы, произведений Сунь Ятсена и Чан Кайши, а также элементы политического образования. Официальным языком Тайваня был провозглашён пекинский диалект (*путунхуа / гоюй*). В 1952 г. был введён запрет на обучение на тайваньских диалектах и японском языке. Те, кто использовал диалекты в общественных местах, подвергались штрафам. Помимо этого, доступ к госслужбе был ограничен для тех, кто не владел *гоюй* [8].

Подобное положение дел продолжалось вплоть до 1980-х гг. В 1987 г. президент Цзян Цзинго отменяет закон о военном положении на острове, что открывает путь политическому инакомыслию и демократизации.

Украинский и тайваньский кейсы на современном этапе

Третья волна демократизации (1970–1990-е гг.) и геополитические трансформации, связанные с распадом Советского Союза, сыграли ключевую роль в процессе формирования новой политической реальности Тайваня и Украины.

В период 1980–1990-х годов на фоне демократизации общественной жизни, реформирования политических институтов и развития альтернативных идейных течений в Республике Китай происходит тайванизация островных элит, укрепление местной идентичности, а также отказ от амбиций по объединению острова и материка под властью ГМД. Последнее ознаменовало поворотный момент в политике республики.

Аналогичные процессы имели место и на Украине. В 1991–2004 гг. отход от общесоветского прошлого, стремление обособиться от России и рост внимания к вопросам украинского языка, культуры и истории – это то, что сопровождало становление независимого государства Украина в данном периоде.

2000-е гг. на о. Тайвань отметились приходом к власти открытого сторонника курса на обретение независимости Тайваня – президента Чэнь Шуйбяня. Несмотря на попытки временами смягчать пронебезависимую риторику, Чэнь неоднократно

отзывался об отношениях материка и острова как о «межгосударственных». В это время внедряются изменения в школьную систему образования: акцент смещается в сторону изучения тайваньской истории, географии и культуры взамен общекайтайской. Более того, вводятся курсы локальных языков – хакка, хокло и языки аборигенов. Тем не менее с приходом Ма Инцзю в 2008 г. данный тренд на последующие несколько лет ослабевает. Отношения КНР и Республики Тайвань в экономике, политике и культуре, наоборот, значительно улучшаются [9; 10].

Переломным событием в политике Украины стала «оранжевая революция» 2004 г., отразившая существующий раскол общества страны по линии «Запад – Восток». После данного события позиции ориентированных на Запад партий заметно укрепились. Среди таковых можно отметить: «Блок Юлии Тимошенко» (позже «Батькивщина») и «Наша Украина» [11]. При этом Партия регионов, отстаивающая права русскоязычного населения и русскоговорящих регионов, а также нацеленная на многовекторное укрепление отношений с РФ, вплоть до 2014 г. оставалась ведущей партией Украины.

Так совпало, что 2014 г. стал очередной точкой невозврата и для Тайваня, и для Украины. Проводимый курс Ма Инцзю на экономическое сближение с Китаем и ратифицированное ГМД Соглашение о торговле услугами между двумя берегами вызвали острую реакцию оппозиционной части Тайваня. Последующие политические демонстрации получили название «движение подсолнухов». Данное движение заявляло о том, что ГМД ради укрепления связей с КНР приносит в жертву интересы Тайваня. Описанные события существенно подорвали позиции ГМД, что отразилось на следующих выборах президента острова в 2016 г., на которых победу одержала кандидат от ДПП – Цай Инвэнь [12].

В отличие от относительно мирного характера «движения подсолнухов», события в Украине 2013–2014 гг. продемонстрировали радикальные методы политической борьбы. Евромайдан стал очередным поворотным моментом, который привёл к гражданской войне, утрате территорий и усилению ультранационалистических сил. В стране утвердились партии, такие как «Блок П. Порошенко» (БПП), «Народный фронт», «Батькивщина» и Радикальная партия О. Ляшко, чьи программы акцентировали внимание на интеграции в европейское экономическое и военно-политическое пространство и противостоянии Российской Федерации как «агрессору». В противовес им возник Оппозиционный блок (ОБ), сформированный на базе бывших членов Партии регионов (ПР). Эта политическая поляризация отразила глубокие расколы в обществе, создавая условия для дальнейших конфликтов и нестабильности, что способствовало росту недовольства среди населения и возникновению новых протестных движений. Кроме того, утрата Крыма и частей Донецкой и Луганской обла-

стей сделала политический курс Украины более однородным, частично маргинализировав дискурс о необходимости выстраивания конструктивных отношений с Россией [13].

С периода президентства Цай Инвэнь (2016–2024 гг.) отношения двух берегов резко ухудшились. Причин этому несколько: во-первых, Цай неоднократно ставила под сомнение «консенсус 1992 г.», а также отвергала принцип «одна страна – две системы»; во-вторых, прозападная позиция Тайваня на фоне развернувшейся в 2018 г. торговой войны США и КНР; в-третьих, поддержка островной администрацией гонконгской оппозиции во время событий 2019 г.

В апреле 2019 г. в результате выборов на Украине убедительную победу одержал В. Зеленский и позже, в июле, его партия «Слуга народа». В противовес программам конкурентов программа «Слуги народа» сместила акцент с внешнеполитического направления на социально-экономические проблемы Украины и необходимость реинтеграции граждан востока страны. Тем не менее партия не отказывалась от курса на вступление в НАТО и ЕС [13].

Российско-украинский кризис, разразившийся в 2022 г., явился следствием системного кризиса в отношениях Российской Федерации и Запада в лице, прежде всего, ЕС и США. В результате боевых действий антироссийские настроения на Украине приобрели ожидаемо ещё большие масштабы: обострился языковой вопрос, были запрещены симпатизирующие РФ партии, в частности «Оппозиционная платформа – За жизнь» (бывшая партия ОБ), происходит активная дегуманизация противника в СМИ. Происходит всестороннее сближение с ЕС и НАТО [14].

Визит Нэнси Пелоси в 2022 г. на Тайвань ознаменовал новый виток эскалации в отношениях КНР и США [15]. Пекин расценил данный жест как серьезнейшую провокацию и инициировал масштабные военные учения, которые сопровождались применением флота, авиации и пусками ракет. Кроме того, были приостановлены контакты между военными ведомствами США и КНР вплоть до переговоров председателя Си Цзиньпина и президента Джо Байдена в Сан-Франциско в ноябре 2023 г. [16].

Избрание в 2024 г. Уильяма Лая (Лай Циндэ) президентом Тайваня символизировало продолжение пронебезависимого курса и следование в фарватере западных и прозападных держав. С другой стороны, в результате параллельных парламентских выборов ДПП утратило большинство: ДПП получила 51 место, ГМД – 52 места, Тайваньская народная партия – 8 мест, независимые – 2. Таким образом, можно наблюдать парламентский раскол и появление фактора третьей политической силы в лице ТНП [17].

Выводы

Ретроспективный анализ развития украинского и тайваньского кейсов демонстрирует наличие большого количества параллелей. Прежде всего, стоит подчеркнуть, что Тайвань и Украина исторически развивались в условиях хозяйственно-географической периферийности относительно центра. Помимо этого, немаловажно упомянуть, что данные акторы развивались под влиянием зависимости от внешних сил и продолжающейся борьбы между великими державами. Этнолингвистическая и культурная специфика регионов способствовала формированию локальной идентичности, развитие которой на рубеже XIX–XX веков было усилено идеологами об отличности через образование и политические трансформации.

На современном этапе Тайвань и Украина продолжают оставаться узлами геополитического противостояния. Процессы демократизации и становления американоцентричного миропорядка привели к усилению прозападной ориентации руководства Тайваня и Украины. В значительной мере в политическом пространстве произошла маргинализация дискурса об общекитайскости и общерусскости. Важным инструментом в направлении консолидации общественного сознания и национальной идентичности становится реформирование системы образования: фокусирование на местной культуре и географии, пересмотр и переоценка тех или иных исторических событий и личностей. Особое место в данном отношении занимает языковой вопрос. Так, на Тайване на протяжении последних 30 лет активно стимулируется использование местных диалектов, а на Украине государственная политика направлена на вытеснение русского языка из всех сфер его возможного применения. Также отношение к материковому Китаю и РФ, соответственно, продолжает выступать как ключевой вопрос, формирующий раскол тайваньского и украинского социумов.

Несмотря на схожесть тайваньского и украинского кейсов, нельзя не сказать о значимых различиях, которые характеризуют развитие данных вопросов. Прежде всего, политика островных властей направлена на построение полиэтничного общества, когда политика украинских властей демонстрирует стремление к созданию моноэтнического, говорящего на едином украинском языке, общества. После событий 2014 и 2022 годов уровень радикализации общественно-политической жизни на Украине существенно выше, чем на Тайване. Более того, степень устойчивости политических институтов и демократизации существенно ниже, чем таковые на Тайване. Подтверждают это в том числе и западные эксперты. Ключевым отличием является то, что с точки зрения международно-правового статуса Украина признана мировым сообществом суверенным государством, когда как Тайвань – это юридически признанная часть Китая с особой степенью автономии. Данный фактор накладывает существенные ограничения на способность Тайваня проводить внешнюю политику. С географической точки зрения Тайвань является более изолированным по от-

ношению к КНР, чем Украина, имеющая протяжённую сухопутную границу с Россией. Помимо перечисленного, открытым остаётся вопрос сравнительной ценности Тайваня и Украины для международно-политической системы, основанной на главенстве Соединённых Штатов.

Список источников

1. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. 278 с.
2. Украинский национализм: левый курс и правые колебания. URL: <https://topwar.ru/35942-ukrainskiy-nacionalizm-levyy-kurs-i-pravye-kolebaniya.html>.
3. Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 333 с.
4. Taiwan in Time: Fractured resistance. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2018/08/12/2003698377>.
5. Перминова В.А. Японцы и китайцы на Тайване: когда закончилось колониальное управление островом // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 210–218.
6. Погодин С.Н., Ван Цзюньтао. Происхождение китайского национализма на Тайване // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8403>
7. Головачев В.Ц. Кризис глобальной идентичности и духовная деколонизация Тайваня // Азия и Африка сегодня. 2010. Вып. 1 (630). С. 38–39.
8. Перминова В.А. Преемственность моделей управления Тайванем в колониальный и постколониальный периоды // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. Вып. 3. С. 38–47.
9. Вэй Тан Мэн, Каплунова М.Я. Языковая политика и культурная идентичность на Тайване // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 2. С. 23–36.
10. The debate over «De-Sinicizing» school curricula in Taiwan: partisan politics or a reclamation of heritage. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/>.
11. Майдан – 2004. Первый шаг к расколу и геноциду. URL: <https://ria.ru/20220323/oranzhevaya-1779590545.html>.
12. Киреева А.А. «Движение подсолнухов» на Тайване: причины и последствия социального протеста // Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 233–250.
13. Кузнецов Н.А. Особенности трансформации партийной системы Украины по итогам парламентских выборов 2014 и 2019 годов // Скиф. 2020. № 6 (46). С. 280–286.
14. На Украине запретили партию «Оппозиционная платформа – За жизнь». URL: <https://ria.ru/20220620/partiya-1796724274.html>.

15. Бессмысленная и беспощадная. Чего Нэнси Пелоси добилась визитом на Тайвань для себя и Соединенных Штатов. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/5492637>.

16. Лидеры США и Китая сошлись и разошлись. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/6338885>.

17. Taiwan's 2024 elections: results and implications. URL: <https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications>.

References

1. Ulyanov N.I. Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma [The origin of ukrainian separatism]. New York, 1966. 278 p.

2. Ukrainian nationalism: left course and right hesitation. URL: <https://top-war.ru/35942-ukrainskiy-nacionalizm-levyy-kurs-i-pravye-kolebaniya.html>. (In Russ.).

3. Toder F.A. Taivan' i ego istoriya (XIX v.) [Taiwan and Its History (19th Century)]. Moscow: Main Ed. Board of East. Literature of the Nauka Publ., 1978. 333 p.

4. Taiwan in time: fractured resistance. URL: <https://www.taipei-times.com/News/feat/archives/2018/08/12/2003698377>.

5. Perminova V.A. Yapontsy i kitaitsy na Taivane: kogda zakonchilos' kolonial'noe upravlenie ostrovom [The Japanese and the Chinese in Taiwan: When the Colonial Administration of the Island Ended]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2014, no. 1, pp. 210–218.

6. Pogodin S.N., Wang Juntao. Proiskhozhdenie kitaiskogo natsionalizma na Taivane [The origin of Chinese nationalism in Taiwan]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8403>

7. Golovachev V. Ts. Krizis global'noi identichnosti i dukhovnaya dekolonizatsiya Taivanya [The crisis of global identity and the spiritual decolonization of Taiwan]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2010, iss. 1 (630), pp. 38–39.

8. Perminova V.A. Preemstvennost' modelei upravleniya Taivanem v kolonial'nyi i postkolonial'nyi periody [Continuity of Taiwan governance models in the colonial and postcolonial periods]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2014, iss. 3, pp. 38–47.

9. Tang Meng Wei, Kaplunova M.Ya. Yazykovaya politika i kul'turnaya identichnost' na Taivane [Taiwanese language policy and cultural identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 13. Vostokovedenie*, 2022, no. 2, pp. 23–36.

10. The Debate over «De-Sinicizing» School Curricula in Taiwan: Partisan Politics or a Reclamation of Heritage. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/>.

11. Maidan – 2004. The first step towards split and genocide. URL: <https://ria.ru/20220323/oranzhevaya-1779590545.html>. (In Russ.).

12. Kireeva A.A. «Dvizhenie podsolnukhov» na Taivane: prichiny i posledstviya sotsial'nogo protesta ["Sunflower movement" in Taiwan: causes and consequences of social protest]. In: Streltsov D.V. (ed.). *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke*. Moscow: Aspect Press Publ., 2016, pp. 233-250.

13. Kuznetsov N.A. Osobennosti transformatsii partiinoi sistemy Ukrainy po itogam parlamentskikh vyborov 2014 i 2019 godov [Features of the transformation of the party system of Ukraine following the results of the parliamentary elections of 2014 and 2019]. *Skif*, 2020, no. 6 (46), pp. 280–286.

14. The opposition platform – For Life party has been banned in Ukraine. URL: <https://ria.ru/20220620/partiya-1796724274.html>. (In Russ.).

15. Senseless and merciless. What Nancy Pelosi achieved for herself and the United States with her visit to Taiwan. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5492637>. (In Russ.).

16. The leaders of the United States and China came together and then parted ways. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6338885>. (In Russ.).

17. Taiwan's 2024 elections: results and implications. URL: <https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications>.

Информация об авторах / Information about the authors

В.В. Харичков – аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского (Москва, Российская Федерация),

✉ vladkharichkov@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5466-8001>

V.V. Kharichkov – Postgraduate Student, University of World Civilizations Named after V.V. Zhirinovsky (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 19.02.2025.